

Отсюда разделение на страны, где доходы бюджета стабилизируются на достаточно высоких уровнях между 40 и 50-ю процентами валового внутреннего продукта (в большинстве стран шоковой терапии), и страны медленных реформ, где происходит устойчивая эрозия доходов бюджета, до величин, как правило, не превышающих 35 % валового внутреннего продукта.

Укоренение таких форм поведения, как неплатежи и бартер, происходит именно в странах с медленной дезинфляцией, как правило сочетается с низкой долей денег в валовом внутреннем продукте и относительно низкими доходами бюджета и прокладывает дорогу к хроническому фискальному кризису.

Такой кризис оказывается характерной чертой практически большинства экономик, где проводилось несколько экспериментов по наращиванию денежного предложения и процессов инфляции.

В чем суть фискального кризиса? Она состоит в том, что в условиях резко ограниченных реальных доходов бюджета государства оказываются неспособными привести в соответствие с ними свои расходные обязательства. Отсюда либо накопление короткого долга и предельный риск острого финансового кризиса, либо хроническое невыполнение своих обязательств государством, что в свою очередь подрывает налоговую дисциплину и является важнейшим фактором распространения неплатежей и бартера, укореняет дурные институциональные новации, связанные с растянутым периодом инфляции.

Завершая свое выступление, я хотел бы еще раз обратить внимание на то, что наше изучение реалий постсоциалистической экономики и закономерностей экономических реформ будет гораздо более продуктивным, если оно будет опираться на очень детальный и подробный, учитывающий национальную специфику и вместе с тем широкий анализ эмпирического опыта.

С.Ю. Глазьев

«ВАШИНГТОНСКИЙ КОНСЕНСУС» И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС В РОССИИ

Я хотел бы начать с того, что, с моей точки зрения, при всех проблемах и аномалиях, которые существуют в

экономической науке, современные знания об экономике, об экономической динамике позволяют делать нам правильные, обоснованные утверждения, а также давать описание экономических процессов, игнорирование которых ведет к грубым стратегическим ошибкам, просчетам и в конечном счете к провалам экономической реформы.

С моей точки зрения, именно нарушение очевидных закономерностей современной экономической динамики, экономического роста стало главной причиной провала экономической реформы в том смысле, который вкладывался в нее с самого начала. Реформа должна была поднять эффективность производства, мотивационные стимулы к труду и создать условия для экономического роста и подъема благосостояния общества.

И хотя в 1991 году еще не было теории перехода к рыночной экономике, как нет ее в целостном виде и сегодня, это не является оправданием того, что в ходе экономических преобразований совершенно очевидно был нарушен целый ряд законов функционирования экономики, разрушены воспроизводственные связи и сломаны основные механизмы, которые могли бы обеспечить экономический рост даже в условиях перехода к рынку.

В.М.Полтерович довольно подробно остановился на идеологии «Вашингтонского консенсуса», и я не могу согласиться с Е.Т.Гайдаром в том, что она не сыграла большой роли. Она сыграла фундаментальную роль в нашей экономической реформе. Именно как идеология. Может быть, не столько как теория или как детальный набор рекомендаций, который постулировался Международным валютным фондом и затем переписывался в известных заявлениях российского правительства и Центробанка, а именно как целостная система идеологии.

Действительно, ничего более содержательного, чем максимально быстрая либерализация, приватизация и сведение всей политики стабилизации к сжатию денежной массы, наша экономическая политика, начиная с 1992 года, не видела.

Я не буду останавливаться на теоретических изъянах «Вашингтонского консенсуса», они хорошо известны. Замечу лишь, что для наших условий переходной экономики эта теория оказалась несостоятельной, что было, впрочем,

совершенно ясно большинству наших ученых с самого начала.

Действительно, примитивная теория стабилизации в условиях стабильно функционирующих рыночных экономик не могла работать в ситуации, когда рыночной экономики и соответствующей ей инвестиционной структуры еще не было, не было рыночной конкуренции, не было частной собственности. Экономика сама по себе была крайне неравновесной, разделенной множеством барьеров. И применять в этих условиях теоретическую концепцию, разработанную на базе абстрактных моделей рыночного равновесия и свободной конкуренции, было в величайшей степени авантюризмом.

Это было тем более досадно, что в нашей экономической науке разработано довольно много адекватных и полезных предложений, использование которых могло бы смягчить трудности переходного периода и с самого начала создать условия для экономического роста.

В этой связи отмечу лишь одно направление нашей экономической науки - теорию научно-технического прогресса и связанные с ней изыскания, которые активно проводились в ЦЭМИ, в Институте народнохозяйственного прогнозирования и других институтах Академии наук и применение которых могло принести большую пользу.

В результате применения неадекватной концепции реформирования экономики мы, как известно, получили колоссальный спад производства, резкое снижение эффективности производства, рост всевозможных издержек, разрушение технологических цепочек и резкое падение технического уровня.

Чтобы не быть голословным, приведу несколько типичных примеров того, как применение идеологии «Вашингтонского консенсуса» повлекло за собой разрушительные последствия в практике экономического реформирования.

Всем известная программа приватизации, нацеленная на переход к частной собственности, не была подкреплена реальными стимулами, характерными для частной собственности, а ориентировалась исключительно на скорость этого процесса и проводилась через дезинтеграцию крупных производственных структур.

Лозунг «Бери, кто хочет и как можно быстрее!» на практике привел к тому, что технологические цепочки очень быстро развалились. Приватизация, которая велась по принципу максимальной скорости и давала возможность любому структурному подразделению любого производственного объединения самостоятельно акционироваться, привела в конечном счете к тому, что на месте крупных производственных объединений, которые могли бы стать основой устойчивости в условиях перехода к рыночной экономике, если бы они трансформировались как целостные структуры, родилось огромное количество нежизнеспособных предприятий, разрушилась связь между наукой и производством, резко упала интенсивность научных исследований. В результате даже в тех отраслях, где мы были на передовых рубежах в мировой экономике, сегодня остались обломки нежизнеспособных структурных звеньев ранее целостных производственно-технологических объединений. Половина из них - банкроты.

Я уж не говорю о том, что в результате приватизации мы попали в институциональную ловушку ложной мотивации участников рынка, когда главным мотивом рыночного предпринимательства стало не создание новых продуктов, не рост производства, а передел собственности и на его основе спекуляция ценными бумагами. То есть мотивация, ориентированная на раздел и на максимизацию текущего эффекта на спекулятивных операциях. Следствия такой ложной мотивации - колоссальная криминализация экономики, отсутствие стимулов расширения производства и многое другое, без чего нормальная рыночная экономика не работает.

Либерализация цен, которая тоже была проведена по принципу формальных преобразований, «максимально быстро», без учета необходимости создания конкурентной среды, контроля за ценами в той мере, в которой не работает рыночная конкуренция, привела, как мы хорошо знаем, к резкой инфляции издержек. Последняя и породила бесконечную цепочку причинно-следственных связей, которая воспроизводила устойчиво высокую инфляцию в течение четырех лет, что не давало возможности организоваться воспроизводственным процессам уже на рыночных началах.

Финансовая стабилизация достигалась путем простого формального сжатия денежной массы. Если бы присутствующие видели, на каком инструментарии у нас формировалась денежная политика, то они бы пришли в ужас. Сведение денежной политики к формальному планированию денежной массы в условиях полной неопределенности спроса на деньги и отсутствия даже попыток создать какие-либо механизмы, обеспечивающие нормальный кругооборот денег в воспроизводственных процессах, привело к тому, что денежная масса многократно снижалась, что сопровождалось ростом неплатежей, бартера и формированием других институциональных ловушек, о которых говорил В.М.Полтерович.

Еще одна грубая ошибка была допущена под благовидным предлогом снижения дефицита бюджета. Казалось, что сама по себе эмиссия ценных бумаг способна создать достаточный антиинфляционный эффект и обеспечить стабилизацию экономики. В действительности финансовая пирамида создала видимость стабилизации, но при этом породила еще одну институциональную ловушку, когда практически весь свободный капитал сконцентрировался в финансовой пирамиде государственных обязательств, а производство стало совершенно невыгодным. Производственные инвестиции в этих условиях делали только те, кто не ориентировался на максимизацию прибыли, уходили из производства в эту финансовую пирамиду, которая рухнула 17 августа с колоссальными негативными последствиями.

Стратегической ошибкой была политика обменного курса в рамках идеологии «Вашингтонского консенсуса». Попытка использовать стабилизацию обменного курса в сочетании с высокой инфляцией издержек привела к чудовищным результатам: восьмикратному падению конкурентоспособности нашей промышленности и, как следствие, к резкому усугублению экономического спада. Спад производства, который для многих лиц, принимавших решения, оказался неожиданным, на самом деле четко прогнозировался. Он стал вполне закономерным следствием тех грубых ошибок, которые были совершены в ходе экономической реформы.

Пожалуй, самой большой стратегической ошибкой в ходе реформы был отказ от признания ключевой роли государства

в регулировании рынка и в управлении собственно переходным процессом. Как следствие мы получили господство криминала, организованной преступности на рынках, сверхмонополизацию под эгидой организованной преступности. Грубо говоря, место государства заняли сговор и криминализация рынка, внесшие существенный вклад в падение производства и в хаос, который мы имеем до сих пор.

Я бы хотел высказать свою точку зрения на причины некоторых ошибок. Думаю, здесь нам тоже поможет понятие, которое ввел сегодня В.М.Полтерович - институциональные ловушки. Мы попали в институциональную ловушку тотального воровства. Это, пожалуй, самая чудовищная институциональная ловушка, которая стала результатом грубых ошибок в проведении экономической реформы.

Приватизация стимулировала и криминализацию отношений собственности. Строительство финансовых пирамид в условиях отказа от государственного регулирования финансов и многое другое привело к тому, что под ширмой ультралиберальной идеологии мы получили господство коррупции, казнокрадства и воровства на всех уровнях экономики - и на микроуровне и тем более на макроуровне, к сожалению.

Почему это институциональная ловушка? Потому что это оказалось очень выгодно. В той системе экономических оценок, которая сложилась, в той системе мотивов, которые реально сформировались в результате допущенных ошибок, производить было просто невыгодно. И субъекты рыночной экономики, которые пытались заниматься производством, они были отброшены сложившимся механизмом конкуренции. Процветали те, кто вместо производства занимался финансовыми спекуляциями. Россия стала раем для финансовых спекулянтов, где можно было получать сто процентов прибыли под гарантии государства, ничем не рискуя. И только альтруисты в этих условиях продолжали заниматься развитием производства.

Конечно, столь чудовищная дезинтеграция экономики не могла продолжаться долго, и естественным результатом шести лет такой экономической реформы стал коллапс 17 августа и то, что за ним последовало.

Я бы хотел немного пополемизировать с В.М.Полтеровичем в отношении того, что экономическая наука сегодня якобы не способна предложить какие-либо практические рекомендации и должна заниматься только идеологией. Идеология - это, конечно, самое главное. При правильной идеологии грамотные практики найдут оптимальное решение, но тем не менее надо признать, что все те провалы экономической реформы, о которых мы сегодня говорим, заранее прогнозировались нашими учеными. То есть, ничего удивительного в тех печальных результатах для тех, кто занимался специально всеми этими вопросами, нет. И то, что является откровением для людей, стоявших у истоков этих концепций и работавших в международных финансовых организациях, для того же уважаемого господина Стиглица, давно было известно нашим ученым, об этом давно писалось в наших журналах. И приходится только сожалеть, что ценой своих собственных ошибок и горького опыта мы в очередной раз обучаем международное сообщество.

Учитывая, что сейчас идет активная работа над антикризисной программой, я хотел бы очень кратко, просто для системности изложения сказать о том, что мне кажется очевидным в части рекомендаций экономической науке для формирования антикризисной политики.

Первый вопрос - это вопрос активизации научно-технического прогресса, инноваций и повышения эффективности производства.

Можно много спорить о том, какова связь между инфляцией и экономическим ростом. Может ли быть экономический рост, когда инфляция превышает 40 процентов, или не может быть?

До сих пор единства мнений в этом вопросе нет.

Но совершенно очевидно, что если научно-исследовательские разработки в валовом национальном продукте падают до уровня 1 процент и ниже, до уровня африканских стран, то никакого экономического роста на современной технической основе быть просто не может.

Второй вопрос - это вопрос реформирования отношений собственности.

Очевидно, что реформирование отношений собственности и продолжение приватизации предприятий, их

реструктуризация должны проводиться по таким ключевым критериям: подъем эффективности, конкурентоспособности, восстановление производственной кооперации, интеграции науки и производства, выращивание конкурентоспособных корпораций, способных конкурировать на мировом рынке. Без этого мы не сможем выжить в условиях открытой мировой экономики.

Следующий вопрос - это необходимость создания каналов денежного предложения для обеспечения потоков капитала в производственную сферу и преодоления дезинтеграции между финансовым сектором и производством. Это возможно при помощи создания институтов развития, которые хорошо себя зарекомендовали во многих странах в условиях несбалансированной экономики.

Необходимо, очевидно, преодолеть ценовые диспропорции. При тех ценах, той структуре экономических оценок, которые существовали до 17 августа, экономический рост был просто невозможен. Для того, чтобы эффективно конкурировать на мировом рынке, нашим предприятиям нужно было демонстрировать в пять раз большую производительность, чем, скажем, у европейских конкурентов, потому что процентные ставки были в 10 раз выше, цены на энергоносители - в два раза выше и т.д. И даже дешевый труд не мог компенсировать те диспропорции в экономических оценках, которые затрудняли экономический рост. Поэтому регулирование цен и ставок процента, преодоление этих диспропорций в структуре экономических оценок является совершенно очевидно необходимостью для создания предпосылок экономического роста.

Я уж не говорю о таких фундаментальных вещах, присущих рыночной экономике, как конкуренция, антимонопольная политика, о чем тоже было забыто.

И тем не менее мне кажется, что у нас в течение 3-4 последних лет сформировалась надежная система знаний и рекомендаций, которая, я надеюсь, войдет в историю как российский или московский консенсус, который поможет нам выйти из весьма тяжелой сегодняшней ситуации.